

рово [36] можете продать. Всего там по последней ревизии 39 душ муж[ского] пола, следовательно, всю деревеньку за 15 600 рублей. Если же не продается, так я много сожалеть не буду, потому что здесь имений продажных нет, в другой губернии покупать не хочется, а капитал держать без оборотов было бы худое хозяйство. Прежде брал у нас деньги Г[авриил] И[ванович] О[сокин], а теперь как он продал свой Троицкий завод [37], так и все долги свои платит, частные и казенные. Кажется, что он сделал по расчетам хорошо, а жалко, что такое большое имение перешло в чужие руки.

О портретах в этот раз не могу Вам написать верного. Получивши прежде письмо, спрашивал я Крюкова, от которого слышал, что кончил он копии с портретов вашего батюшки и матушки с натуры Гавриила Ивановича и Любовь Ермоловны ¹⁾, в половину сделал копию с Александра Андреевича Растовского. Теперь, вероятно, через месяц много прибавилось, но мне недосуг за ним посыпать и расспрашивать, потому что страх как много дела.

Затруднение, что делать с денежным капиталом, заставляет меня приискивать здесь купить имение, которых однако же с угодьями совершенно нет. Решился бы купить в 50 верстах от Казани деревню Каюки [38], Сергея Алексеевича Неялова, если продаст он 400 рублей душу. Так он продал уже часть князю Колончакову. Имение без земли, неразмежеванное. Более дать я не могу, да и то если бы согласен был владелец, то прежде сам посмотрю. Не сделаете ли Вы мне одолжение увидеться с Неяловым и ему такое предложение от меня сделать? Просил я об этом же Надежду Ермолову Колбецкую, и она мне говорит, что писала к г. Неялову, но теперь Колбецкие уехали из города и переписываться с ними труднее в деревню, нежели в Москву к самому хозяину.

Скажите мое почтение Софье Матвеевне и будьте уверены в дружбе преданного Вам брата

Н. Лобачевский

1836
Июня 15

ГК, № 25. Модз., № 400.

26. М. Н. Мусину-Пушкину (29 октября 1836) [39]

Милостивый государь
Михаил Николаевич

На третий день моего приезда представился я г-ну министру ²⁾, который прочитав Ваше письмо, принял меня весьма ласково и говорил со мной около двух часов. Сколько могу сообразить, разговор был о настоящем положении нашего университета, о близком его преобразовании, об особенном его назначении, для которого в нем учреждены кафедры восточные, особенно монгольского языка, наконец, об улучшении гимназий, с которым надобно достигнуть той цели, чтобы русское дворянство воспитывалось в общественных заведениях ³⁾.

«Отдаю должную справедливость, сказал г. министр, заслугам Михаила Николаевича, который поставил ваш университет на такую степень совершенства, несмотря на ничтожество, куда был он приведен прежним попечителем Магницким с этим мистицизмом; не правда ли? — Я воспитанник

¹⁾ Гавриил Иванович Осокин, Любовь Ермоловна Растовская.

²⁾ С. С. Уварову.

³⁾ Далее следует изложение беседы Уварова с Лобачевским. Слова Уварова взяты в кавычки, слова Лобачевского без кавычек — так в тексте письма (кроме двух случаев, где редакций, для удобства чтения, кавычки опущены).

университета и был свидетелем всех перемен. Припоминаю, что в нем число студентов было некогда 80, а теперь у нас до 250 человек.—«При Магницком он верно бы совсем опустел».—Теперь остается сделать преобразование к новому Уставу.—«Вы напишите к Михайлу Николаевичу, что это скоро последует. Мне нужно с ним посоветоваться, чтобы оставить при лучшем выборе достойных преподавателей, из которых, вероятно, найдутся запоздалые в своих науках».—Ваше высокопревосходительство, я слышал от Михаила Николаевича, что сам он сюда будет этою зимой, так без сомнения не скроет пред Вами все свои мнения.—«Да, мне надобно с ним об этом посудить, но напишите ему, чтобы он не спешил своим приездом, покуда сам я не предуведомлю. Вот когда отпуск сумм будет уже решенное дело, то я не замедлю сам уведомить. Я прилагаю все старание, так же как и заботясь об участии тех профессоров, которых потребуется заменить другими».—Ваше высокопревосходительство, все вообще наши ученые нуждаются в содержании и потому ждут с нетерпением преобразование университета. Например, профессор Шарбе с многочисленным семейством едва может себя пропитывать и сколько-нибудь пристойно жить.—«А каково он преподает»—Он отличный профессор.—«Каковы ваши молодые преподаватели?»—У нас их двое: Гг. Скандовский и Котельников. Первого знаем мы как нашего воспитанника, ожидали много хорошего и не ошиблись. Он время провел не напрасно и теперь к своим познаниям присоединил усердие и трудолюбие по должности. Г. Котельников с должностными дарованиями, знает хорошо свой предмет, которому предан, но несколько застенчив, что составляет в преподавании недостаток, но который, без сомнения, пройдет. Тут г. министр начал говорить о монгольском языке, о важности его в России и что он недоволен Ад[ъюнктом] Поповым¹⁾, который худо доказывал свою благодарность университету. «Я воспротивился, прибавил он, увольнению Попова, будучи совершенно согласен с Михайлом Николаевичем. Теперь он должен быть довольный своим начальством, получив награды; того менее жаловаться, когда университет преобразуется. Вот вам, г. ректор, предложат, и на вас я надеюсь, что вы будете уметь как соглашать три разнородные элемента, из которых университет составится, старые русские профессора, иностранцы и молодые преподаватели. Это вам тем легче будет выполнять, что со введением Нового устава занятия ваши делаются ограниченнее и, следовательно, гораздо легче. Да, что касается собственно до университета, то здесь сомневаться нечего, что все пойдет хорошо; но гимназия, вот их-то надобно устраивать. В каком состоянии ваши казанские?»—В Казани две гимназии в отлично хорошем состоянии.—«Но за то в других городах еще плохи. Вы сами видели Нижегородскую и Симбирскую^[40]. Ваше суждение справедливо. Теперь я могу вам лично сказать и прошу вас распространять ту мысль, на которой хотел основать я все воспитание юношества. Зачем скрывать благонамеренную цель. Мне хочется, чтобы при гимназиях были пансионы, чтобы здесь воспитывалось дворянство. В Петербурге уж этого я достигнул. Осмотрите здесь университет и все учебные заведения. Вы увидите здесь детей именных русских дворян на первых скамьях, потому что они лучше других успевают».—Я желал бы, ваше высокопревосходительство, видеть также Дерптский университет.—«Хорошо сделаете. Он немецкий^[41] и останется таким; но посмотрите вам его надобно. Когда посмотрите здесь учебные заведения, то мы с вами увидимся. Напишите же Михайлу Николаевичу, чтобы он не спешил приездом; я его уведомлю».

А. М. Княжевич мне тоже сказывал, что по новому штату предполагается отпустить суммы на Харьковский и Казанский университеты, однако ж

¹⁾ Попов Александр Васильевич.

с некоторым ограничением, как этого потребовало нормальное назначение 7 миллионов для Министерства народного просвещения. Это же слышал я от г. Новосильского, у которого был накануне, чтобы узнать, когда могу представиться г-ну министру. Разговорившись с г. Новосильским, узнал я, что все рассказы московские о Дерптском университете ложны и что в Москве запрещен журнал «Телескоп» [42], а цензор [А. В.] Болдырев отставлен от этой должности.

С отличным уважением и совершенной преданностью честь имею называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою

Николай Лобачевский

1836

Октября 29

Помета Мусина-Пушкина: «Полу[чен]о 15 нояб[ря] 1836».
ГК, № 20. Публикуется впервые.

27. М. Н. Мусину-Пушкину (17 августа 1838)

Милостивый государь

Михаил Николаевич

Высочайшим указом пожалованный в чин действительного статского советника [43], я совершенно убежден, что такой великой милости от государя императора удостоился по Вашему ходатайству и по тому вниманию, которое Вам угодно было оказать к моей службе. Будьте уверены, Ваше превосходительство, что чувство признательности усилит еще более мое усердие в исполнении возложенной должности, которую проходить под Вашим начальством почитаю за счастье, будучи всегда исполнен к Вам отличного уважения.

Следующие деньги за повышение чином буду иметь честь доставить Вашему превосходительству вследствие предписания 16 августа, № 3409, согласно с узаконениями немедленно по расчету, который от меня предложен сделать в Правлении университета.

С истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга

ректор университета
Николай Лобачевский

1838

Августа 17

Помета Мусина-Пушкина: «Полу[чен]о 17 ав[густа] 1838».
ГК № 21. Модз., № 426.

28. И. Е. Великопольскому (27 августа 1838)

Благодарю покорнейше за поздравление и за эпитафию [44]. Ручаться за себя нельзя; но как я намерен не сходить в могилу ни для одного друга, ни для родственников, даже и для знакомых, то, если в этом успею, буду благодарен Вам за благовременное напоминание, о котором то же должен сказать, что мы говорим в механике: всякая сила производит свое действие. Впрочем, повышение в чине зависит от обстоятельств по службе, тогда как мне хочется удержать за собой значение, которое бы мне особенно принадлежало, было бы чем-нибудь собственным. Я продолжаю мои любимые занятия, сколько досуга позволяют. Вы тоже выбрали для себя круг, где Ваша наклонность и способности ищут для себя пищи, как истинного наслаждения в нашей жизни. Наши сношения с Вами, надеюсь, всегда будут как родственников